

На правах рукописи

Бондаренко Елена Дмитриевна

**НАИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ:
ЭТНОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Березович Елена Львовна

Официальные оппоненты: **Белова Ольга Владиславовна**
доктор филологических наук, ФГБУН Институт славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора

Воробьева Наталья Александровна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 11 мая 2016 г. в 11-00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=255158>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В данной диссертационной работе осуществляется комплексное этносоциолингвистическое исследование феномена так называемой «наивной лингвистики» (т. е. вербализованных проявлений метаязыковой рефлексии) носителей диалекта.

Диссертация выполнена в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики – на стыке этно- и социолингвистики, а также лингвистической прагматики. Анализ лексических и текстовых данных в настоящей работе проводится с опорой на положения и подходы этнолингвистики. В рамках этого направления значимы работы таких исследователей, как Е. Бартминьский, О. В. Белова, Т. Н. Бунчук, М. Н. Еленевская, А. Ф. Журавлев, А. Б. Мороз, С. Е. Никитина, И. А. Подюков, И. И. Русинова, И. А. Седакова, С. М. Толстая, Н. И. Толстой, А. Т. Хроленко, А. Энгелькинг и др. Проблемам этнолингвистического анализа диалектных лексико-фразеологических единиц с привлечением культурного фона и межъязыковых параллелей уделяется большое внимание в трудах екатеринбургских этнолингвистов (О. В. Атрошенко (Моргунова), Е. Л. Березович, К. С. Верхотурова, Ю. Б. Воронцова, А. А. Едалина, М. А. Еремина, Ю. А. Кривошапова, Т. В. Леонтьева, К. В. Пьянкова (Осипова), И. В. Родионова, М. Э. Рут, А. В. Тихомирова, Л. А. Феоктистова, Е. В. Шабалина и др.); в их числе и автор данной диссертации.

Объектом настоящего исследования являются факты языка и речи, в которых отражены проявления метаязыковой рефлексии диалектоносителей: метаязыковые высказывания, фольклорные произведения, метаязыковая лексика (как апеллятивная, так и проприальная), авторские (любительские) словари, составленные наивными лингвистами, и др.

Предмет исследования – особенности метаязыковой рефлексии диалектоносителей относительно различных функциональных сторон речевой деятельности (коммуникативной, когнитивной, поэтической).

Цель данной работы – выявить специфику вербализованных проявлений метаязыкового сознания диалектоносителей, отражающегося в текстах, а также в лексической системе языка (на материале русского языка, рассматриваемого на фоне польского).

Для достижения указанной цели ставятся следующие **задачи**:

- определить набор лингвистических проблем, которые затрагиваются диалектоносителями в ходе рефлексии над языком, и оценить его наполнение с позиций научной лингвистической теории;
- охарактеризовать особенности народной рефлексии над явлениями различных ярусов языка (фонетики, грамматики, лексики);

- рассмотреть народную трактовку категории имени собственного, выступающего как значимый маркер отношений в традиционном социуме;
- проанализировать феномен авторского диалектного словаря как комплексного проявления метаязыковой деятельности диалектоносителей;
- охарактеризовать зависимость метаязыковой рефлексии носителей языка от специфики языкового сообщества (конфессиональной, территориальной, социороловой и др.);
- дать характеристику метаязыковых реакций, проявляющихся при народном восприятии определенных социолингвистических состояний и ситуаций (на примере языковой ситуации на пограничье Костромской и Кировской областей);
- осуществить анализ функций метаязыковых элементов в фольклорных текстах;
- выделить общие (типологические) и специфические черты в проявлениях метаязыковой рефлексии носителей русских и польских диалектов.

Итак, в центре данного исследования находится социолингвистическая и этнокультурная проблематика, связанная с осмыслением языка диалектоносителями. Анализируются следующие аспекты и явления наивной метаязыковой рефлексии:

- осмысление диалектоносителями особенностей функционирования языка в обществе, его социальной, территориальной, стилистической дифференциации;
- специфика наивного восприятия различных разрядов лексики, как ономастической, так и апеллятивной (в когнитивно-семантическом плане);
- феномен авторского толкового словаря диалектоносителей как продукта прикладной деятельности наивных лингвистов;
- прагматический аспект метаязыковой рефлексии и своеобразие представления метаязыковой информации в фольклорном тексте.

Эти вопросы не рассматривались в комплексе в исследованиях по этнолингвистике и диалектологии, что обуславливает – вкупе с их значимостью для реконструкции наивной метаязыковой картины мира – **актуальность** настоящей работы.

Интерпретация языковых данных осуществляется с применением различных **методических приемов и процедур** лингвистики:

– контекстный анализ (в том числе анализ контекстной семантики). Анализируются метаязыковые высказывания диалектоносителей и тексты-нарративы с целью выявления особенностей контекстной семантики слов – метаязыковых квалификаторов (*по-нашему / по-вашему; по-старому / по-новому* и др.); выявляются тематические

группы лексических единиц, наиболее часто употребляющихся в метаязыковых контекстах;

– мотивологический анализ, который в первую очередь применяется при изучении народной ономастической терминологии (диалектных терминов со значениями 'имя', 'кличка', 'название' и др.);

– лингвопрагматический анализ, предполагающий главным образом изучение интенций диалектоносителей – авторов любительских словарей;

– контрастивно-типологический анализ лексических и текстовых фактов русского и польского языков. В данной работе материалы польского языка привлекаются в качестве языкового фона, имеющего типологическую значимость;

– текстологический анализ фольклорных произведений. Устанавливаются функции метаязыковых элементов в жанрово-сюжетной организации текстов бытовых сказок, анекдотов, нарративов; определяются языковые явления, которые могут стать предметом обыгрывания в фольклорных текстах (омонимия, междиалектная синонимия, паронимия и т. д.);

– направленный полевой сбор материала в условиях диалектологической экспедиции, в рамках которого проводился эксперимент, ставящий своей целью активизацию метаязыковой рефлексии диалектоносителей при контакте с носителями другого идиома (собирателями диалекта, владеющими «правильным», «городским» языком).

Проведена также этнолингвистическая интерпретация языковых единиц, высказываний и фольклорных текстов. Так, этнолингвистический ракурс анализа предполагает наблюдения за реализациями в метаязыковой лексике и в текстах базовой оппозиции традиционной культуры «свое – чужое». Дается характеристика метаязыковых реализаций этой оппозиции (например, «городская – деревенская речь»), выделяются факторы, влияющие на проявление этой оппозиции применительно к отдельным языковым категориям («свое» и «чужое» имя), в конкретной языковой ситуации (например, на границах различных диалектных зон), в сознании языковой личности (на примере составителей авторских словарей).

Источники материала. Из словарных источников русского лексического и текстового материала следует назвать: «Словарь русских народных говоров», «Словарь говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия», «Псковский областной словарь», «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь вологодских говоров», «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» и др., всего 47 словарей. Из польских словарей

источниками материала послужили «Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur», «Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego», «Słownictwo Krajaniackie. Słownik gwary wsi Podróżna i Złotowskiem» и др., всего 11 словарей.

Значительная часть материала, представленного в работе, содержится в неопубликованных источниках и впервые вводится в научный оборот. Это главным образом полевые материалы Топонимической экспедиции Уральского университета, в работе которой в 2006–2013 гг. принимал участие автор настоящей диссертации. В 2008–2015 гг. экспедиция проводила направленный сбор материала по теме «наивная лингвистика». Польские полевые материалы извлечены из картотеки Словаря польских говоров («Słownik gwar polskich») Института польского языка Польской академии наук (Краков) и этнолингвистического архива кафедры текстологии и грамматики польского языка Университета им. Марии Кюри-Склодовской (Люблин), где в 2010 г. проходил стажировку автор диссертации.

Источником материала особого рода стали авторские словари диалектоносителей (18 словарей). В них зафиксирован лексический материал архангельских, костромских, челябинских, свердловских говоров, говоров ХМАО, русских говоров Литвы. 8 словарей были переданы сотрудникам Топонимической экспедиции УрФУ во время полевой работы на Русском Севере и в Костромской области.

К анализу привлекались также различные фольклорные и этнографические сборники: «Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре», «Русская бытовая сказка», «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», «Powieści i opowiadania ludowe z okolic Przasnysza» (S. Chełchowski), «Kumotry diobła. Opowieści ludowe Śląska Opolskiego» (D. Simonides) и др.

Научная новизна работы. В диссертации впервые осуществлен комплексный анализ вербализованных проявлений обыденного метаязыкового сознания в диалектной лексической системе, устных текстах, созданных диалектоносителями, а также произведениях различных жанров фольклора. В научный оборот введен новый лексический и текстовый материал, в том числе содержащийся в неопубликованных источниках и собранный в полевых условиях. Разработана методика анализа языкового самосознания жителей контактных диалектных зон (на примере говоров Вятско-Костромского пограничья). Осуществлен компаративный анализ данных русской и польской языковых традиций с целью выявления общих и специфических черт наивного языкового сознания. Дана лингвопрагматическая характеристика феномена наивной диалектной лексикографии. Определен механизм преобразования различных языковых явлений, подвергающихся метаязыковому осмыслению,

в сюжетобразующие элементы фольклорного текста. Апробирована методика анализа различных лингвопрагматических ситуаций, позволяющего делать выводы об особенностях и сценариях актуализации метаязыковой рефлексии диалектоносителей.

Теоретическая значимость диссертации. Результаты исследования будут способствовать дальнейшему развитию теории языковой личности, когнитивной лингвистики, диалектологии. Выявленные в диссертации особенности метаязыковой рефлексии жителей контактных территорий могут быть полезны для социолингвистических исследований. Изучение народных метаязыковых воззрений вносит вклад в реконструкцию традиционной картины мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в преподавании вузовских курсов по общему языкознанию, социолингвистике, этнолингвистике, лингвистической прагматике, диалектологии, а также в практике диалектной лексикографии. Содержащиеся в работе выводы и положения о специфике наивного лингвистического сознания диалектоносителей могут оказаться полезными в культурно-просветительской и педагогической работе (в частности, в сельской местности, в зонах языковых контактов); они могут служить также для утверждения некоторых положений языковой политики (на территориях со сложной социолингвистической ситуацией).

Апробация работы. Положения и выводы диссертации обсуждались на следующих международных научных конференциях: «Славянские языки в синхронии и диахронии» (Москва, 2013), «“Народная лингвистика”: взгляд носителей языка на язык» (Санкт-Петербург, 2012), «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009, 2012, 2015), «Традиционная обрядность: “старое” и “новое” в славянской и еврейской культуре» (Москва, 2011), «Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции» (Москва, 2010), «Ciało i duch w języku i kulturze» (Люблин, 2009), «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» (Екатеринбург, 2008); международной научной конференции студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, 2012); межвузовских конференциях молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2010, 2011, 2013). По теме исследования опубликованы 24 печатные работы, из них 5 – в рецензируемых научных журналах перечня ВАК.

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом проанализированного текстового и лексического материала (общий объем его составляет более 1 500 единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих осуществить этносоциолингвистическую интерпретацию избранного фрагмента

традиционной картины мира; привлечением трудов по этно- и социолингвистике, лингвистической прагматике, диалектной лексикологии, связанных с проблематикой исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Наивная лингвистика – особая область обыденного знания, являющая собой систему представлений непрофессиональных носителей языка (в том числе диалектоносителей) о языке, которую можно воссоздать, в частности, на основании анализа метаязыковой лексики и текстов. Наиболее разработаны представления диалектоносителей о языке как социальном явлении, в то время как структурные свойства языка и его гносеологическая значимость практически не подвергаются рефлексии.

2. Особое место в наивной лингвистике занимают представления об имени собственном как социальном знаке. При осмыслении всех разрядов имен собственных в центре внимания оказывается имя (антропоним, зооним, топоним) как результат номинативного акта. Однако рефлексия, касающаяся антропонимов и зоонимов, учитывает, как правило, комплекс компонентов номинативного акта (субъект, объект, адресат номинации, имя как результат номинации), в то время как рефлексия по поводу топонимов обращена главным образом к результату номинативной деятельности, трактуемому как итог творческого акта авторитетного субъекта номинации (это обычно «старика»).

3. Прикладная деятельность наивных лингвистов нередко реализуется в форме авторских диалектных словарей. Специфическими характеристиками таких словарей являются: установка лексикографа на коммуникативную ситуацию, ориентация на конкретные речевые проявления, а не на системные свойства языка, отбор лексики в соответствии с выбранной автором оппозицией идиомов («диалектное – литературное», «диалектное – диалектное», «старинное – новое»).

4. Вербализованные проявления метаязыковой рефлексии диалектоносителей могут функционировать как сюжетообразующий элемент текста. В текстах бытовых сказок, анекдотов, нарративов обыгрывается несовпадение элементов лексического кода участников коммуникации, которое может использоваться как художественный прием и обыгрываться в сюжете.

5. Характер метаязыковой информации, содержащейся в текстах, в известной мере зависит от жанровой природы текста. В воспроизводимых (клишированных) текстах с заданной структурой и концептуальным наполнением метаязыковая информация представляет собой скорее обозначение и оценку языковой проблемы, нежели ее анализ. Производимые (спонтанные) тексты дают говорящему свободу в отношении построения текста, его интенции, концептуального наполнения и обеспечивают

благоприятные возможности для реализации индивидуальной актуальной метаязыковой рефлексии.

6. Анализ лингвопрагматической ситуации, складывающейся в определенном социуме, позволяет осуществить реконструкцию сценариев актуализации метаязыковой рефлексии диалектоносителей. Так, особый «всплеск» метаязыковой активности наблюдается на территории Вятско-Костромского пограничья, чему способствует целый комплекс факторов, в числе которых существенные диалектные и этнографические различия граничащих ареалов. Сценарии наречения ребенка именем, разработанные в годы советской власти, обнаруживают действие механизмов «стафетного отталкивания» от предшествующей (дореволюционной) традиции.

Структура работы. Работа включает введение, шесть разделов, заключение и приложение. Общий объем работы – 371 страница, из них 252 составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается выбор темы, ее актуальность и новизна; определяются объект, предмет, цель и задачи исследования; дается характеристика материала, его источников, методов исследования; описывается структура работы.

В первом разделе *«Общие вопросы изучения наивной метаязыковой рефлексии»* рассматриваются различные подходы к изучению метаязыкового сознания, определяется место наивного метаязыкового компонента в общей структуре языкового сознания, приводится краткая история изучения вопроса; анализируются специфика и аспекты изучения метаязыкового сознания носителей диалекта.

Особенности организации системы метаязыковых представлений зависят от типа языковой личности их носителя. Противопоставляются индивидуальная и коллективная языковые личности. Носителями коллективной системы знаний о языке могут быть члены одной социальной, культурной или конфессиональной группы, представители одной локально-территориальной группы, одного этноса. Отдельная языковая личность может «совмещать» в себе несколько типов коллективного языкового сознания.

Метаязыковая информация в языковом сознании диалектоносителей может быть воплощена в свернутом виде – в особенностях построения и членения сетки понятий, связанных с языком и речью, во внутренней форме номинативных единиц (например, курск. *когаи* ‘жители Курской и Орловской обл.’) и др. Информация, заключенная во внутренней форме, может актуализироваться в сознании носителей языка и разворачиваться в метаязыковое высказывание, ср. кемер. *ёны* ‘жители д. Ивановка

Кемеровской обл.: «Ивановских у нас называют ёны. Они вместо “он” говорят “ён”».

Метаязыковая информация может быть представлена и в развернутой (текстовой) форме. Метаязыковые тексты разнообразны по жанровой организации: присловья («Jaka gwara, taka wiaga» [«Какой говор, такая вера»]), загадки, построенные на языковой игре («Что делал слон, когда пришел Наполеон? – Траву ел на поле»), бытовые сказки (ср. сюжеты польских анекдотов о глупом Совиздале, который вследствие своих языковых ошибок проваливал данные ему задания, – например, бросил в пиво пса по имени Хмель), свободные метаязыковые высказывания (сиб. «Тряпку, которой вынимают горшок из печи, называют “отымалка”, только *нехорошо так звать при людях-то*») и др.

Характер метаязыковой информации, отраженной в текстах, зависит от того, воспроизводимым или спонтанным является текст. В воспроизводимых, клишированных текстах с заданной структурой и концептуальным наполнением информация метаязыкового характера актуализирована в сознании говорящего в момент высказывания, однако она являет собой скорее обозначение и оценку языковой проблемы, нежели ее анализ. Производимые (спонтанные) тексты предоставляют говорящему максимальную свободу в отношении построения текста, его концептуального наполнения и др. – и, соответственно, дают более благоприятные возможности для реализации метаязыковой рефлексии.

Совокупность вербализованных метаязыковых представлений обыденных носителей языка создает особую область наивного знания – наивную лингвистику.

Анализируя традицию научного осмысления метаязыковой рефлексии, мы обнаружили, что в центре внимания исследователей оказывались особенности структурирования языкового сознания, закономерности функционирования обыденного метаязыкового сознания (ОМС) в различных социально-языковых сферах, проблемы взаимоотношения наивной лингвистики и близких областей наивного знания, специфика отражения языка, речи, текста в ОМС (Н. Д. Голев, М. Дебрэнн, Ю. Н. Караулов, Н. Б. Лебедева, Д. Ю. Полиниченко, А. Д. Шмелев и др.). Внимание лингвистов уделялось и диалектному метаязыковому сознанию: затрагивались проблемы этнографии речевого поведения (А. К. Байбурун, И. А. Седакова, С. М. Толстая), соотношения языкового сознания и самосознания в русской народной культуре (С. Е. Никитина, А. Т. Хроленко). В поле зрения исследователей-этнолингвистов нередко попадают частные вопросы наивной лингвистики: особенности народного восприятия чужого языка или говора, наивные представления о функциях языка и др. (О. В. Белова, Е. Л. Березович, Д. Ф. Мищенко, А. Б. Мороз,

А. Л. Топорков и др.). Наиболее близкими для настоящего исследования стали работы, в которых даются примеры этно- и социолингвистического анализа отдельных проявлений метаязыкового сознания диалектоносителей (О. И. Блинова, И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, Е. В. Пурицкая, Р. Кухарчик, М. З. Муслимов, А. Энгелькинг).

Рассмотрение истории изучения наивного метаязыкового сознания позволило выделить аспекты данной проблематики, особенно значимые для диалектоносителей и ставшие предметом настоящего исследования: ♦ язык как способ самоидентификации в обществе (раздел 2); ♦ язык как маркер территориальных границ (раздел 3); ♦ язык как инструмент категоризации (раздел 4); ♦ язык как хранилище информации (раздел 5); ♦ язык и механизмы создания текста (раздел 6).

Во втором разделе ***«Язык в зеркале наивной лингвистики: функциональный аспект»*** анализируются особенности метаязыковой рефлексии диалектоносителей, касающейся функционального распределения языковых единиц в речи. В центре внимания наивных лингвистов оказываются проблемы синонимии языковых средств, социальной стратификации языка, взаимодействия и противопоставления различных идиомов.

Осмысление функционирования различных элементов речи может происходить с позиции говорящего (поиск нормативного словоупотребления и произношения, стилистическая дифференциация языковых средств и др.) и с позиции слушающего (проблемы смысловозначения, понимания речи собеседника, идентификации «свой – чужой» и др.). «Эталон» осмысления языка становится для диалектоносителей свой говор. При сравнении с ним выделяются особенности «чужой» речи.

Рефлексия диалектоносителей может быть направлена на специфику речи конкретного человека: особенности словоупотребления, произношения, ср.: «У их девка была, надо сказать “мне-ка”, а она говорила “мека”, всю деревню опозорила – их стали звать Авксентьевская Мека» (влг.); номинативных стратегий, ср.: «Читá – это я такое прозвище выдумала, а то усе Мурки да Мурки» (костр.).

Зачастую внимание жителей деревни обращено к проблемам социальной стратификации языка. Релевантными при этом становятся как общие основания дифференциации идиомов (нормативность, письменность), так и ситуативные, фиксирующие частные характеристики речи представителей различных территориальных и социальных групп населения.

Значимой чертой мировосприятия диалектоносителей является его аксиологичность. Оценка особенностей употребления слов,

социальная дифференциация пластов языка и т. д. неизбежно происходят с позиции соответствия / несоответствия установленной норме, ср.: «Да вот буду скоркать. “Тереть” надо бы *правильно*-то сказать, а я “скоркать”» (новг.).

Нормативное может обозначаться «наивными» лингвистами как *научное, законное, настоящее, культурное, аккуратное*, ср.: «Вот каверкали как – кашыца суп *пъ-настояишему*» (пск.). Одной из причин восприятия диалектного языка как неправильного является высмеивание последнего носителями «культурного» языка, ср.: «Поди-ко углашѣк-от <‘подросток’> осмеял мою старую голову: ты, бабушка, говоришь “исподки”, а надо говорить “варежки”» (перм.).

Оппозиция «нормативное – ненормативное» в оценке речи является значимой и в сознании польских диалектоносителей. При оценочном восприятии форм существования языка свой говор квалифицируется как неправильный, «плохой»: «U nas młodzi narod inaczej już gada. Polska mowa jest piękna, ale ta mazurska bary brzyska» [У нас молодежь уже иначе говорит. Польская речь прекрасна, а эта мазурская – ужасная] (малопольск.). Однако говор – это родная речь, которую следует сохранять: «Ja chce na tej swojej mowie ot matki stoic» [Я хочу на этом своем языке от матери стоять] (без указ. м.). Речь оценивается и с эстетической точки зрения, оппозиция «нормативное – ненормативное» преобразуется в противопоставление «культурное (изящное, красивое, гладкое, высокое) – некультурное (тяжелое, широкое, простое)», ср.: «Така gwara szeroka, oćenżala i my tez jestesmy oćenżale» [Такая речь <у нас> широкая, тяжелая, и мы тоже отяжелевшие] (мазовец.).

Социальная дифференциация идиомов. Значимый критерий дифференциации идиомов в сознании носителей диалекта – место проживания говорящих (оппозиция «городское / деревенское»), ср.: «Зимой из ябллок компот варили, или, *по-деревенски сказать*, суп яблoшный» (пск.). Стремление деревенских жителей говорить «по-городскому» высмеивается или даже осуждается, ср.: «Девка-то пожила в городе, вишь какая воображула стала, *чуввы да вычуввы*, и говорить-то по-деревенски забыла» (перм.).

Другой важный параметр – вероисповедание. Выделяются, в частности, особенности речи старообрядцев (в отличие от местного иноконфессионального населения): «У них <старообрядцев> другой язык, они по-русски не разговаривают; вот мы молимся “слава тебе господи”, “тебе” <курсив наш. – Е. Б.>, а у них “тэбэ”, “тэ-бэ”» (сарат.).

Следует отметить также такие критерии дифференциации, как социальный (сословный) статус: «Они так *выворачивают* <говорят>, сразу видно – боярчуги <о жителях Бабушкинского района Вологодской

области>» (влг.); возраст: «*Маленький* кто, говорит плохо, дак не “крёстный” скажет, а “кока”» (арх.); гендерная принадлежность: «Ах ты нечистик этакий. Это ругаются *бабы* так, *мужики* не говорят, у их покрепче» (новг.).

Территориальные различия речи. Одна из базовых оппозиций в народной дифференциации подязыков – «свой говор / говор соседей» (переселенцев, жителей других территорий и т. д.). Диалектоносители дают оценку различным говорам, сравнивая их с эталонным «городским» наречием: «У нас-то хорошо бают, пошти што как в городе, а вот в Пянтеге – дак там бают так, што вы обхохочитесь» (перм.). Эта оценка во многом определяется представлениями о происхождении и причинах формирования соответствующего облика говора, таких как: своеобразное устройство речевого аппарата говорящих, их «иностранное» происхождение, сохранение черт «старинного» говора, далеких от современных речевых норм, и т. д.

Диалектоносители осмысливают особенности говоров на различных уровнях языковой системы – фонетики и просодии, морфологии, лексики; выделяются общие коммуникативные характеристики речи соседей. В метаязыковых высказываниях может содержаться предположение о территориальной закреплённости какой-либо лексемы, выстраиваться оппозиция «свое слово – чужое слово», ср.: «Я в России был, там “свинки” гутарют, а мы – “бурак”» (рус. азерб.). Предметом внимания диалектоносителей могут стать «типичные» лексемы, ср.: «“Здаровате” – так сямейстии <семейские старообрядцы> тольги здароваюцца» (забайк.), и др.

Значительное внимание в метаязыковых высказываниях уделяется проблеме дифференциации языков. При этом чужому языку обычно противопоставляется свой говор (а не свой язык в целом). «Эталоном» чужой (а потому невнятной) речи для носителей определенного говора становится контактный язык. Например, «эталонным» чужим языком для жителей Псковской области является латышский: пск. *латышате* ‘говорить нечисто, картавить’, *латышкате* ‘лепетать, начиная говорить (о ребенке)’. Ср. польск. *mowa czeska* ‘заикание’: «Czeską mowę dostać» [Заработать «чешскую речь» (заикание)] (малопольск.).

Обращают на себя внимание и отдельные элементы «чужой» языковой системы. Наиболее яркими и быстро улавливаемыми в речи являются ее фонетические и просодические особенности, ср. диал. шир. распр. *пшек* ‘поляк’. «Отфонетические» клички получают в первую очередь носители родственных, «похожих» языков. Сравнительно редко в силу своей «системности» отслеживаются грамматические особенности «чужой» речи: польск. любельск. *chmaki* ‘украинцы восточной Польши в речи поляков’ (*chmo* в 1-м л. мн. ч. глаголов). На лексическом уровне объектом рефлексии диалектоносителей служат наиболее частые в речи

«чужого» коллектива единицы, становящиеся маркерами данного языка, ср. пск. *камрат* ‘немец как оккупант во время войны’. Рефлексия диалектоносителей касается и различий в распределении значений слов в разных языках, ср.: «Вот у немцев слово “капут” на все, что хош: капут – сломал, умёр, согнул. А у нас веревку оборвал – оборвалась; палку сломал – сломалась, а у них – одно слово на фсё – капут» (пск.).

Третий раздел *«Локально-территориальный “срез” проблематики наивной лингвистики: язык вятчан извне и изнутри»* посвящен рассмотрению специфики языкового самосознания диалектоносителей, проживающих на пограничье Костромской и Кировской областей (Октябрьский, Вохомский и Павинский районы Костромской области). Материалом для анализа стали полевые наблюдения участников Топонимической экспедиции УрФУ (2009–2012 гг.). Основным источником информации о языке Вятки являются коллективные прозвища, дразнилки, частушки, а также свободные текстовые образования – размышления о речевых особенностях вятчан.

В формировании представлений о языке значимую роль играет точка зрения субъекта рефлексии. «Внутренняя» точка зрения позволяет осуществить, во-первых, самоопределение вятского говора в системе национального языка (вятчане составляют списки «вятских» слов и фразеологизмов, высказываются на тему отличий вятского говора от других и от литературного языка), во-вторых, внутрирегиональное разделение говоров, когда среди жителей Вятской губернии разграничиваются *вятчане* и *не-вятчане*, намечается перечень языковых черт, характерных для *вятчан*. «Внешней» является точка зрения соседей вятчан (в первую очередь, костромичей), и рефлексия в этом случае преследует цели отграничения «своего» через выявление «чужого».

Представления жителей Вятки о своем языке в целом вполне традиционны: осмысляются особенности происхождения топонимов, реализации оппозиции «диалект / литературный язык», внутрдиалектные различия и т. д.

При внутрирегиональном разделении говоров формируется внутренняя оппозиция «вятское / не вятское». *Вятское* в узком смысле – характеризующее жителей старейшей части Вятской губернии, вятчан, в противопоставлении жителям периферийных районов (Сарапульского, Яранского, Уржумского и др.). К примеру, в прозвищах, даваемых сарапульцами *вятчанам*, проявляется такая черта говора последних, как произношение [шш] на месте *щ, сч*, ср. *ошишоки* ‘жители юго-западной части Вятской губернии’.

Обращаясь к межрегиональной дифференциации говоров, следует отметить, что вятское наречие является одной из самых значимых черт

образа жителей Вятки в сознании их соседей. Последние отмечают следующие фонетические черты вятского наречия: упрощение сочетания [шт] до [щ], ср. перм. *ащовань* ‘жители Вятской губ.’; чоканье, ср. костр. «“Шла овца с кляча, да как кувырнечча!” – это у нас ветченят дразнили, вроде, они так говорят». Отмечаются также явления прогрессивной ассимиляции заднеязычных по мягкости, чередования к’/т’, сохранения мягких шипящих звуков и др. Внимание соседей вятчан обращается к интонационной специфике вятского говора – речи «с ростягом».

Для определения круга «вятских» слов костромичи обращаются к своеобразным лексическим индикаторам – междиалектным синонимам, обозначающим различные бытовые реалии и действия, ср.: «*Колобы* вятское слово, а у нас всё *шаньги*»; сельскохозяйственные реалии и действия, ср.: «Я вот иду ко скотине *управляться*, а там, на Вятке, скажут: “Я ко скотине *стряпать* во двор”»; типовые обращения и имена, ср.: «Ну, *девка-матушка*, – ветчанята так говорят» и др. Таким образом, слова-индикаторы связаны с повседневной жизнью диалектоносителей.

В четвертом разделе («*Особенности наивнолингвистической категоризации языковых явлений: категория имени собственного*») в центре нашего внимания оказывается определенная языковая категория – имя собственное, – рассматриваемая как объект метаязыковой рефлексии. Изучаются наивные представления об антропонимах, при этом рассматриваются вопросы, касающиеся механизмов и способов выбора имени, народной дифференциации имен и прозвищ, их оценки, регуляции функционирования имен в социуме. Выделяются также некоторые особенности наивных представлений о зоонимах и топонимах.

Имя оценивается диалектоносителями по следующим параметрам: а) степень официальной закреплённости (оппозиция «официальное – неофициальное»), ср.: «По пашпорту, может, и Евдокия, а по-нашему Алдошка» (ряз.); б) способ функционирования в реальной речевой практике (оппозиции «официальное – неофициальное», «полное – неполное»), ср.: «Мы всё Келься *его звали*, а *писался*-то он Кельсий, и дочь у него Кельсиевна» (влг.); в) происхождение (оппозиция «русское – нерусское»), ср.: «Да у тебя имя-то како-то *нерусское*» (свердл.); г) время создания и функционирования (оппозиция «старое – новое»), ср.: «Внук у меня Данил, *прежнё* оно тоже имя, раньше Данько звали» (арх.); д) степень «традиционности» (оппозиция «привычное – странное»), ср. «Собачьи имена – это Альберт, да еще какие Стасики. Это плохие имена казались» (костр.).

Остановимся подробнее на оппозиции «привычное – странное» имя. «Странные» имена получают общую негативную оценку

диалектоносителей, ср.: «Папа дал какие-то *странные имена* моим сестрам: Кириена, Крискентия, Макрина» (арх.). При имянаречении отрицательно воспринимается выбор непривычных на слух, отсутствующих в антропонимиконе данного социума имен. Наделение ребенка необычным именем в народных представлениях связывается с нарушением установленных норм во время крещения ребенка. «Плохое» (*каверзное, небаское, собачье*) имя поп мог дать ребенку из бедной семьи или тому, чьи родители чем-то рассердили священника: «*Небаские имена* давали, кто бедные. Раньше ведь богатым большие давали имена, хорошие: Анна, Мария да. А эти Агапеи – их бедным давали» (перм.); «*Даровой поп* крестил, да Окулина имя дал, без пути-то я» (арх.).

«Плохие» (*премудрые, заковыристые*) имена становились маркером незаконности ребенка: «Незаконнорожденным давали *премудрые имена*: Марфа, Федот – *заковыристые*» (арх.); «*Takim dzieciom nadawano imiona: Kurdula, Kunegunda. To już ksiądz sam te imiona nadawał, wybierał*» [«Таким детям давали имена: Курдула, Кунегунда. Это уже сам ксендз эти имена выбирал»] (любельск.).

Странными в сознании диалектоносителей становятся либо редкие церковные и «квазицерковные» имена, вызывающие трудности при произнесении и запоминании (*Крискентия, Курдула, Бинтифилипп, Этеопумпт* и др.), либо такие имена, которые традиционно считались «простонародными» (*Марфа, Федот, Агафья, Окулина* и др.). Несмотря на то, что, по мнению информантов, «странные» имена даются священниками при крещении, среди них встречаются онимы, отсутствующие в святцах (*Бинтифилипп, Курдула, Копидон, Руслан, Алина, Роза* и др.). Это объясняется тем, что после Октябрьской революции знание канонов церковного имянаречения существенно ослабло. В польской традиции появление «светских» имен в сюжетах о крещении связано, возможно, с практикой наделения младенцев двумя официальными именами: одним светским (его выбирают родители), а вторым – католическим (его дает ксендз при крещении).

Диалектоносители обращают внимание также на дифференциацию прозвищ и особенности их функционирования в реальной речевой практике. Разводятся прозвища, обладающие собственно идентифицирующей функцией, выделяющие человека среди других и относящие его к определенному роду, ср.: «Она у нас Домна Сергеевна, а Белавочка – прозвище *со старины*» (ряз.), и прозвища-«дразнилки», функция которых – выражение оценки и экспрессии, ср.: «Были прозвища и не по-старейшему, а просто где-то кем-то данные. Курьёзные, что ли, нехорошие в какой-то степени. От дразнил и оставалось прозвище-то» (свердл.). Прозвище может восприниматься как «привесок» к имени,

ср. кашуб. *przydómek* ‘прозвище, название, которое добавляется к имени или фамилии, эпитет’, *přělepka* ‘прозвище’. Присутствие такого «привеска» у имени объясняется нередко необходимостью различения многочисленных тезок, ср.: «В деревне было три Коли Зайцева. Вот и называли, чтобы не спутать, одного Паниным Колькой (у него мать Паня), другого – Дальним (он жил в конце деревни), третьего – Петровичем» (костр.).

В наивном осмыслении механизмов именования проявляется «эталонность» мышления диалектоносителей, уже отмеченная выше. Важность соответствия «эталону» для носителей народного сознания обуславливает сохранение традиционных представлений о том, что является отступлением от нормы (ср. многочисленные запреты при выборе имени ребенка), а также приводит к разработке подробных правил функционирования имен в речи.

Кроме культурных запретов и предписаний, связанных с имянаречением, активно осмысляются и собственно «бытовые» стороны процесса, ставится вопрос о субъекте именования, ср.: «Име Градислава мне *deda* придумал» (влг.), об «источниках» имен, ср. влг. *Люсьён* ‘имя жителя д. Кокошилово’: «Мать его *где-то в журнале* имя вычитала. А два года назад он крестился – дали ему имя Лукьян». Осуждается безответственное отношение к наделению ребенка именем: «Женщина одна была, долго не регистрировала ребёнка. Иван Николаич и говорит: “Ну, говорит, нажила своего Тыто-тыто, имя никакого нет, всё Тыто-тыто”» (костр.).

Представления диалектоносителей об особенностях создания и функционирования кличек животных также определяются доминированием функционального параметра в наивнолингвистических изысканиях. К примеру, внутри стада нет необходимости различать животных, и они могут иметь одно и то же подзывное слово, «кличку», ср.: «Я зову Маля, *одно прозвище* у овец – и бараны понимают» (арх.). В кличке «одиночных» животных – лошади, коровы – отражаются внешние отличительные черты животного, время его рождения, ср.: «Родился в Вербное воскресенье телёночек – Вербой назовут, или на заре родилась – Зорькой назовут» (костр.). Кличка такого рода имеет специфический статус: она чаще всего является обозначением любого животного, обладающего указанным признаком. Кличка коровы или лошади – самых полезных домашних животных – может наделаться экспрессивно-оценочными смыслами, ср.: «А есть по ласке – Конфетка, Любимка корову зовут» (пск.). Диалектоносители отмечают также, что в народной среде принято называть животных *по-скотински*, «современная» практика давать животным *человеческие имена* осуждается, ср.: «Человеческое имя скотине давать! Судили шибко на это. Раньше *по-скотински* называли» (костр.).

В метаязыковых высказываниях, посвященных топонимам, осмысляются различные компоненты номинативной ситуации, в рамках которой создаются географические названия. В роли субъектов номинации обычно выступают «старики», «предки», а также цари, бары, богачи. Реже создание топонимов приписывается другим категориям лиц – охотникам, бригадирам, священникам – по аналогии с крещением человека, ср.: «Диривням раньшы в церквах давали клички наверна» (пск.).

Рассуждения об адресатах топонимической номинации встречаются редко. Номинативные прихоти адресатов, по мнению диалектоносителей, могут противоречить друг другу, и необходимость их удовлетворять воспринимается с иронией, ср.: «Жили тут бары Полянские и сделали хутор *Новая Деревня*. Полянский захотел, чтобы *Старина* была *Новой Деревней*, но поп был против. Тогда мужики, чтобы и барину, и батюшке угодить, решили назвать *Новая Старина*» (влг.).

Частотны контексты, содержащие характеристику объекта номинации и сверку их с названием, которое может противоречить изменившимся свойствам объекта: «Раньше пустое место было, так *Разломом* прозвали. А теперь всё заросло, но название осталось» (арх.).

Осмысляя имя как результат процесса номинации, диалектоносители обращают внимание на внутрисистемные свойства топонимов (вариативность, омонимию), а также свойства, определяющие функционирование названий в социуме. Выстраиваются оппозиции «старое – новое имя», «правильное – неправильное», «литературное – просторечное», «общеупотребительное – функционирующее в определенном социуме», «официальное – неофициальное», ср.: «У нас двойные названия, в *домовой книге* числится Клюкино, а мы называем Антоновщина» (костр.).

Пятый раздел «*Авторские словари как способ организации метаязыковой деятельности диалектоносителей*» посвящен анализу феномена наивной лексикографии. Авторские словари демонстрируют любительские подходы к описанию семантики слов, представления диалектоносителей о родственных связях слов, о соотношении слов и вещей, о системных отношениях в лексике и др. Прикладные задачи таких словарей связываются с необходимостью сохранения слова в культурной и личной памяти – и, соответственно, с необходимостью зафиксировать информацию максимально четко и подробно, выбрав при этом из всего объема лексики, известной автору, именно тот пласт, который более всего нуждается в письменном закреплении. Трудности непрофессионального лексикографа чаще всего связаны с хронологической и социолингвистической атрибуцией лексики.

В числе 18 словарей, анализируемых в диссертации, есть опыты наивной лексикографии, оформленные как простой список слов и как «полноценный» толковый словарь. С л о в а р и к и - с п и с к и включают в себя в среднем 30–50 слов; не являются композиционно выстроенными; в большинстве случаев предназначены для «внутреннего пользования». Объем словника в т о л к о в ы х с л о в а р я х диалектоносителей достигает нескольких сотен; композиция выстроена. Широкому читателю подобные словари становятся известны, как правило, по публикациям, подготовленным лингвистами-профессионалами. Реже диалектоносители сами готовят к публикации свои тексты.

Среди авторов словарей присутствуют как «чистые» диалектоносители (люди, прожившие всю жизнь в одной местности, имеющие неполное образование и т. д.), так и «бывшие» диалектоносители (уехавшие из деревни в город, получившие образование и пр.). В одном случае автор словаря совместил опыт диалектоносителя и профессионального лингвиста (Г. К. Венедиктов, славист, доктор филологических наук, родом из д. Уличелы Зарасайского уезда Литвы).

Авторские словари рассматриваются в диссертации, во-первых, как явление рукописной культуры, в рамках которой словари оказываются в одном ряду с другими «коллекционными» текстами – рукописными календарями и «народными» сборниками фольклора (паремий, частушек, песен).

Во-вторых, словарь является результатом прикладной деятельности наивных лингвистов, что предполагает анализ собственно словарного жанра.

1. Связь с лексикографической традицией. Авторы изучаемых словарей, с одной стороны, продолжают традиции любительской диалектной лексикографии XVIII–XIX вв., которой свойственна общая установку на меморативность и этнографизм; включение в словник экспрессивной лексики; «необычность» звучания как критерий попадания слова в словарь и др. С другой стороны, заметна ориентация на современную научную и любительскую лексикографическую традицию. Наиболее явным образцом, на который ориентируются диалектоносители, оказывается структура толкового словаря.

2. Личность автора словаря. На квалификацию слов как местных, на характер дефиниции и способ подачи слов могут влиять уровень образования автора, частота его «соприкосновения» с городской средой, жизненные обстоятельства, обусловившие знакомство с различными идиомами внутри национального языка. Так, в одном из словарей, составительница которого, по-видимому, знакома с научной лексикографической традицией, заглавные слова, в основном, стоят

в начальной форме, даются подробные описательные дефиниции (*кузов* 'плетеный короб типа рюкзака для ягод, грибов'). Но сама подборка лексем во многом ориентирована на литературный язык (ср. *лохань*, *рукомойник*, *кадка*, *чадо* и др.); выбор и описание «местных слов» приобретает скорее этнографический, нежели диалектологический характер, ср., например, этнографические подробности в дефинициях словаря: «братынь – деревянная посуда наподобие продолговатого ковши для кваса, пива, на праздниках пили пиво из одной братыни по кругу».

Различны позиции авторов по отношению к описываемому ими идиому. Это может быть внешний взгляд носителя литературного языка (в словарях бывших жителей деревни, переехавших в город) или какого-либо диалекта (в словарях переселенцев) на «чужой» идиом или взгляд изнутри.

3. Функциональные установки наивных лексикографов. Основной является меморативная установка, «интенция памяти». Она может быть выражена эксплицитно (так, В. К. Белобородов называет свое произведение «словарь-воспоминание») или имплицитно (в принципах отбора и подачи лексики в словаре). Кроме того, выделяются этнографические, энциклопедические, переводные, идеолого-популяризаторские интенции наивных лексикографов.

4. Ориентация на читателя. На основании анализа дефиниций рукописных словарей диалектоносителей можно делать некоторые выводы о том, как лексикограф представляет язык своего читателя. Ср., например, случаи «диахронической» синонимии: *кабак* – *сентроспирт*, *урядник* – *милиционер*, *волось* – *сельский совет* и др. Составитель словаря старается дать не просто перевод слов, а скорее, «перевод реалий» (с устаревших и, предположительно, незнакомых читателю, на современные).

Составителям любительских диалектных словарей, как и наивным лингвистам в целом, свойственна ориентация на коммуникативный акт. В частности, это отражается в структуре словаря.

♦ *Заглавная единица.* При выборе грамматической формы заглавного слова наивные лексикографы отталкиваются от типовых ситуаций его употребления. Так, при описании глаголов весьма редко в качестве заглавного слова приводится инфинитив, чаще это личные формы (*растилькала* 'еле открыла глаза'; *замаралась* 'замазалась'). Сфера употребления диалектного слова сужена, оно «застывает» в типовом контексте.

♦ *Порядок следования словарных статей.* Словарные статьи могут располагаться автором не по алфавиту, а в свободно-ассоциативном порядке. Выделяются своего рода ситуативные группы: *сделалось* 'случилось', *разкырилась* 'занемогла', *окостыжилась*

‘выздоровела’. Коммуникативные микрогруппы в словаре могут состоять из фактов «ситуативной» антонимии, ср. *ведро* ‘хорошая погода’ // *няша* ‘жидкая грязь’, *отвально* ‘угощение на проводах (в армию)’ // *привально* ‘угощение при возвращении’.

♦ **Д е ф и н и ц и я.** Авторы могут создавать своего рода «коммуникативные» толкования. Слово (выражение) нередко толкуется путем описания его функций в рамках коммуникативной ситуации, в толкование включаются интенции говорящего: *тысинка* ‘нежно-ласкательное слово к ребенку’, *мохоря* ‘слово, характеризующее смешного человека’.

Коммуникативный подход отражается и в принципах отбора лексики для словаря. Например, авторы «словарей-воспоминаний» исходят из оппозиции «взрослое» – «детское»: широко включают терминологию детских игр с подробными «этнографическими» дефинициями. Значимым является и фактор «старинности»: исходя из оппозиции «местное = старинное» / «городское = новое», авторы включают в словари преимущественно лексемы из сферы быта, обозначающие «старинные» реалии деревенской жизни.

В шестом разделе работы «*Прагматический аспект метаязыковой рефлексии: “лексические недоразумения” в сюжетах фольклорных текстов*» анализируются особенности функционирования метаязыковых высказываний в фольклорных текстах, сюжеты которых включают ситуацию лексических несовпадений участников коммуникации. В разных жанрах фольклора нередко обыгрывается несовпадение элементов лексического кода у участников коммуникации (своего рода «лексическое недоразумение»). Это может быть как художественным приемом, так и значимой составной частью сюжета.

Анализируются произведения русского и польского устного народного творчества (главным образом прозаические) с разной степенью «фольклоризации» – от бытовых нарративов до анекдотов и сказок.

В фольклорных текстах осмысляются следующие явления:

- 1) использование одного слова для обозначения разных реалий: полисемия (в одной языковой системе, междиалектная полисемия); омонимия (омофоны, омоформы, словообразовательные омонимы); паронимия;
- 2) употребление разных слов для обозначения одной реалии: синонимия (в одной языковой системе, междиалектная синонимия);
- 3) игнорирование особенностей актантной структуры значения;
- 4) мнимое отсутствие слова;
- 5) буквализация внутренней формы слова / фразеологизма;
- 6) фальсификация слов (например, искажение лексики своего языка для имитации слов чужого языка, придумывание квазиимен, шифрующих нарицательные слова).

В качестве примера обыгрывания междialeктной синонимии приведем частотный на территории Русского Севера сюжет о *мосте*, ср.: «У вас сени, у нас *мост*. Кто чужие, дак не знают. Матрёна пошутила над невесткой: “Принеси с *моста* молока”. А та в потёмках на реку пошла» (арх.). Игра основана на столкновении двух значений слова *мост*: молодые и «чужие» ориентируются на литер. ‘сооружение для перехода через реку’, а в речи старших функционирует сев.-рус., ср.-рус. *мост* ‘сени’.

О м о н и м и я лексических средств обыгрывается в польском анекдоте «O Prusach». Отец с сыном везут на ярмарку пшеницу. Один мешок разорвался – и мука стала рассыпаться. Сын кричит: «Tato, *prusy* [сыплется]!» Отец не понял и ответил: «*Prusy nie Prusy, ale mąka trza sprzedać*» [«Прусы не прусы, а муку надо продать»]. А когда приехали на торг, мешок был пуст (опольск.). Комический эффект вызван столкновением омоформ: глагол *prusy* (*pruszy*) – 3 л. ед. ч. наст. вр. от *pruszyć* ‘сыпать’ и существительное *Prusy* ‘пруссы’.

Языковые явления, лежащие в основе ситуаций недоразумений, связаны с различными аспектами языка – как социальными, так и когнитивными. Чаще всего осмысляется социально обусловленная многослойность лексической системы, несовпадение границ лексических групп для разных носителей языка. Внимание к этим феноменам во многом определяется «диалектностью» народного восприятия языка, неслучайно в центре внимания диалектоносителей оказываются прежде всего междиалектная синонимия и полисемия. Что касается когнитивных сторон языка, то здесь в первую очередь обдумывается соотношение слова и вещи, слова и понятия (ср. попытки буквализации внутренней формы слов, изменения актантной структуры значения и др.).

Отражение в текстах различных языковых явлений имеет жанровую приуроченность. Так, бытовые нарративы в основном обращены к феноменам лексической системности. В жанрах, ориентирующихся на вымысел (сказках), чаще осмысляются «ирреальные» явления (например, принцип фальсификации слов). Сверка лексического опыта может осуществляться по некоторым типовым сценариям. Типичный сюжетный ход – «сходи туда-то, принеси то-то (обычно бытового предмет)»; типовой оказывается ситуация приема гостей и застолья.

Участники коммуникации противопоставлены по возрасту (ребенок / взрослый), месту жительства (жители разных территорий, горожанин / житель деревни), социально-экономическому положению (барин, богач, хозяин / работник, слуга, солдат), семейному статусу (зять, невестка, сын, жених / теща, свекровь, мать, невеста), этноязыковой принадлежности (инородцы / сообщество говорящих на основном языке

какой-л. территории, страны и др.). Они имеют разный языковой опыт, что и является причиной недоразумений.

Проанализировав коммуникативные намерения говорящих, отметим, что основной в текстах подобного рода является интенция испытания, проверки собеседника и его дальнейшей социализации. Намерение испытать собеседника может сопровождаться интенцией обучения языку (особенно в тех случаях, когда в роли «испытуемых» выступают дети). Присутствует также интенция умышленного обмана. Наконец, встречается ситуация преднамеренной или непреднамеренной языковой ошибки.

В *Заключении* обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Байковый язык / Е. Л. Березович, Е. Д. Казакова // Рус. речь. – 2013. – № 1. – С. 112–119. (0,5 п. л. / 0,25 п. л.)

2. Бондаренко Е. Д. К дифференциации подъязыков с позиций наивной социолингвистики (на материале русских говоров) [Электронный ресурс] / Е. Д. Бондаренко // Антропологический форум. – 2013. – № 18 Online. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/18online>. (0,5 п. л.)

3. Бондаренко Е. Д. «Лексические недоразумения» в сюжете фольклорного текста / Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 113–131. (1,25 п. л. / 0,6 п. л.)

4. Бондаренко Е. Д. Советские сценарии имяназвания: диалог с традицией / Е. Д. Бондаренко // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 166–171. (0,5 п. л.)

5. Бондаренко Е. Д. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект / Е. Д. Бондаренко // Антропологический форум. – 2014. – № 21. – С. 37–48. (0,5 п. л.)

Другие публикации:

6. Казакова (Бондаренко) Е. Д. «Наивная лингвистика» как феномен языкового сознания диалектоносителя / Е. Л. Березович, Е. Д. Казакова // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагматическом контексте: материалы Междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», Екатеринбург, 24–26 апреля 2008 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 11–24. (0,75 п. л. / 0,35 п. л.)

7. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Шерстяной язык: об одной метафоре речевой деятельности / Е. Л. Березович, Е. Д. Казакова // *Studia etymologica Brunensia*. – 2009. – № 6. – С. 11–25. (1 п. л. / 0,5 п. л.)

8. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Имя человека в метаязыковой рефлексии диалектоносителей / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология* : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 110–111. (0,15 п. л.)

9. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Диалог поколений в метаязыковой рефлексии диалектоносителей / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции* : сб. ст. – М. : [Сэфер], 2010. – С. 163–173. (Академическая серия; Вып. 29). (0,5 п. л.)

10. Казакова (Бондаренко) Е. Д. О представлении метаязыковой информации в языке и в тексте (на русском и польском материале) / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Слово в традиционной и современной культуре* : тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 15 мая 2010 г. / Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – С. 31–33. (0,15 п. л.)

11. Казакова (Бондаренко) Е. Д. «Наивная лингвистика» в языковом сознании диалектоносителей / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Актуальные проблемы гуманитарных наук* : XIII областной конкурс науч.-исслед. работ студентов учреждений сред. и высш. проф. образования Свердлов. обл. «Научный Олимп» : сб. тез. науч. работ призеров конкурса (направление «Гуманитарные науки»). – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 7–9. (0,1 п. л.)

12. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Ситуация «языкового испытания» в народной культуре / Е. Л. Березович, Е. Д. Казакова // *Славянский и балканский фольклор* : Винограде красно-зеленое. – М. : Индрик, 2011. – С. 27–37. (0,5 п. л. / 0,25 п. л.)

13. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Принципы построения словника в авторских словарях диалектоносителей / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Слово в традиционной и современной культуре* : тез. III межвуз. конф. молодых ученых Екатеринбург, 21 мая 2011 г. / Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – С. 36–38. (0,15 п. л.)

14. Казакова (Бондаренко) Е. Д. *Вятка и вятчане* в русской языковой традиции / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Вопр. ономастики*. – 2011. – № 2 (11). – С. 19–50. (2 п. л.)

15. Казакова (Бондаренко) Е. Д. *Вятчане глазами костромичей* / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Живая старина*. – 2012. – № 2 (74). – С. 41–44. (0,5 п. л.)

16. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Из наивной социолонгвистики (взгляд русских диалектоносителей) / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // *Антропология*.

Фольклористика. Социолингвистика. Конференция студентов и аспирантов : сб. тез. Санкт-Петербург, 22–24 марта 2012 г. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – С. 90–94. (0,25 п. л.)

17. Казакова (Бондаренко) Е. Д. Топонимия в метаязыковом осмыслении диалектоносителей / Е. Д. Казакова (Бондаренко) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 2 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 41–43. (0,15 п. л.)

18. Бондаренко Е. Д. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект / Е. Д. Бондаренко // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык : тез. докл. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г. – СПб. : Нестор-История, 2012. – С. 26–28. (0,15 п. л.)

19. Бондаренко Е. Д. К вопросу о коммуникативных установках составителей «любительских» словарей / Е. Д. Бондаренко // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 18 мая 2013 г. / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 7–9. (0,15 п. л.)

20. Бондаренко Е. Д. «Лексические недоразумения» в сюжетах фольклорных текстов (на русском и польском материале) / Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко // Славянские языки в синхронии и диахронии : материалы Междунар. науч. конф.: Москва, МГУ им. Ломоносова, 26–28 ноября 2013 г. / ред. кол. М. Л. Ремнева и др. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. – С. 32–35. (0,2 п. л. / 0,1 п. л.)

21. Бондаренко Е. Д. Вокруг байкового языка: метаязыковая метафора как проявление лингвокреативной деятельности / Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко // Лингвистика креатива-1 / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. – С. 87–111. (2 п. л. / 1 п. л.)

22. Бондаренко Е. Д. «Тканевая» метафора речевой деятельности / Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко // Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – С. 230–241. (1,1 п. л. / 0,5 п. л.)

23. Бондаренко Е. Д. Параметры любительского словаря и личность автора / Е. Д. Бондаренко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / [отв. ред. Е. Л. Березович]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 36–39. (0,15 п. л.)

24. *Kazakowa (Bondarenko) J.* „Somatyzmy” w słownictwie, dotyczącym aktów mowy (na podstawie języka polskiego i rosyjskiego) / *J. Kazakowa* // *Ciało i duch w języku i kulturze*. – Lublin : UMCS, 2012. – S. 35–41. (0,3 p. л.)